

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

1. Место снов
2. Пчелиный волк
3. Кошки ходят поперёк
4. Снежные псы
5. Краткая история Тьмы

ЭДУАРД ВЕРКИН

ХРОНИКА
СТРАНЫ
МЕЧТЫ

КОШКИ ХОДЯТ ПОПЕРЁК

#эксмогетство
Москва
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
В32

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
DM7, solarseven, Getmilitaryphotos,
Cornel Constantin / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Веркин, Эдуард Николаевич.
В32 Кошки ходят поперёк / Эдуард Веркин. — Москва :
Эксмо, 2018. — 512 с. — (Фэнтези Эдуарда Веркина.
Хроника Страны Мечты).

ISBN 978-5-04-091861-4

Ты учишься в школе, болтаешься с приятелем по улицам, влюбляешься в одноклассницу, ссоришься с родителями, живёшь ничем не примечательной жизнью, а всё это время где-то там существует самое странное и абсолютно реальное место — Страна Мечты. Существует и знает о тебе, ждёт тебя, приглашает в гости. Но хватит ли у тебя смелости откликнуться?

Когда чужое мнение перестанет быть важным, когда довериться захочешь не тем, кого знаешь с детства, а тем, с кем едва знаком, и когда «верность себе» уже не просто слова, а насущная необходимость, тогда придёт время отправляться в Страну Мечты, Эльдорато, Место Снов. Не забудь зашнуровать конверсы.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-04-091861-4 © Веркин Э., 2014
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Не совсем пролог

Я чуть не умер. Мне было восемь лет, а я уже чуть не умер. Мы жили тогда совсем плохо, в одном северном городе, в бараке, недалеко от угольного террикона. Зимой было холодно, а в мае пол заливала вода, и по комнате можно было запускать пароходы из газет или лодочки разные. Правда, тогда я был совсем еще мелкий, в *пароходах* не смыслил, зато очень хотел крокодила. Отец тогда как раз купил цветной телевизор, и я посмотрел тот самый мультик, после чего очень захотел крокодила. У парня из другого конца барака был, бабушка привезла ему из Болгарии.

А я страдал от бескрокодилья, мучился и мучился.

Но раздобыть рептилию нигде не удавалось — отец сказал, что их вроде как сняли давно с производства, но потом тетя Люба, знакомая матери, нам его принесла.

Крокодил был не новый, подержанный, но в хорошем состоянии. Сделан в далеком 1984 году из толстой зеленой пластмассы, руки-ноги-голова-хвост и даже глаза вертелись в разные стороны. Почему-то рукав на правой лапе был ярко-морковного цвета, этакая красная рука, тогда как левый рукав — бело-розовым.

Может, крокодил лежал на солнце, а может, еще что-то там с ним произошло, и он выцвел.

Глаза крокодил имел большие и желтые, если хорошенько нажать на живот, эти глаза выскакивали и катились под диван.

Шляпы не было, видимо, она потерялась раньше, вместе с гармошкой — о былом наличии этих предметов свидетельствовали дырки на крокодильих ладонях и крокодилем темечке. Я зачем-то вставлял в дырки спички, они проваливались и гремели в пластиковом нутре, звук получался смешной, шепотливый какой-то.

Крокодил очень скоро оказался забит спичками под завязку.

А шляпу мать потом сшила из кожаных лоскутков, вырезанных из старых ботинок. В результате этой операции ящер приобрел гангстерский вид, автомата Томпсона под мышкой только не хватало.

Крокодил был велик. Я так любил его, что решился на святотатство — накалил гвоздь и выплавил сзади как раз под воротником свое имя.

Женя Кокосов.

Чтобы никто не украл.

Велик был крокодил. Теперь таких не достать, теперь все крокодилы какие-то ненастоящие, со слащавым китайским прищуром. Как уже говорилось, я был в восторге и спал с крокодилом в обнимку, хотя он был достаточно жестким и почему-то пах марганцовкой.

Потом я узнал, почему он пах марганцовкой.

Тетя Люба шла по улице и увидела старушку. Старушка продавала игрушки — кубики, машинки, разное, короче. Игрушки были старые, поигранные, и крокодил в том числе. Старушка сказала, что недавно закрыли детское отделение при женской тюрьме, детей распределили по другим местам, а игрушки раздали

бывшим сотрудникам. Старушка там нянечкой работала, ее собственные внуки уже выросли, а выбрасывать было жалко. Старушка помыла игрушки в дезрастворе и стала продавать.

Так тетя Люба купила мне крокодила.

Эта история меня потрясла. Я весьма смутно представлял, что такое тюрьма, в основном по мультикам и кинофильмам. И уж никак я не мог представить, что в тюрьме зачем-то содержат еще и маленьких детей. Я представил, как они лежат в зарешеченных люльках и играют в зарешеченных манежах. Это было тяжело, даже представлять тяжело. Потом я подумал, что моим крокодилом тоже играл какой-нибудь маленький узник, и от этого делалось еще невыносимее. Я шарахался от крокодила, наверное, неделю, я боялся его. А потом полюбил еще сильнее. У него была своя история, и от этого он мне казался чуть ли не живым, что ли.

Как-то раз, мы тогда жили уже не на Севере и вообще жили гораздо лучше, чем раньше, мать собирала игрушки для детей из детского дома. Она до сих пор чего-то собирает, чаще всего письменные принадлежности, старую одежду, старые книжки — в помощь неимущим ребятам. Ну, вот игрушки тоже. Я хотел отдать старые машинки и уже собрал их целую коробку, но отец посмотрел на все это и сказал, что надо добавить крокодила.

Я злился, наверное, два дня. Но отец сказал:

«Когда-то тебе достался крокодил. Ты жил с ним несколько лет, засыпал с ним, играл с ним. А у других детей этого не было. И сейчас нет. У них вообще ничего нет, они очень тупо живут, безрадостно, не будь задницей».

Я снова представил. Только теперь маленьких детей, которые спят в одинаковых постелях с одинаковыми

одеялами, на обед едят макароны с таким, а игрушек у них совсем не имеется, — и крокодила отдал.

Потому что это было правильно.

Только мне не хотелось, чтобы мой крокодил лежал вместе с остальными подарками, в скучных коробках из-под телевизоров. Эти коробки хранились у нас в гараже. В японских телевизорах хранились расстрепанные книжки, в немецких — старые курточки и штаны, в корейских — игрушки. В большинстве своем мягкие — щедрый дар одной фирмы из соседней области. Впрочем, были и нормальные: в одной коробке я обнаружил электрический конструктор, в другой автомобильчик на дистанционном управлении, правда, без левого переднего колеса. Все коробки были забиты под завязку, но с помощью чудес переукладывания и вталкивания я выкроил место для своего крокодила. Я отыскал хорошую коробку от кроссовок, набил ее мятой бумагой, поместил крокодила туда и собственноручно погрузил в угол, между нелепым синим львом и стопкой сдутых футбольных мячей со следами бутс.

Спал в ту ночь я плохо. Мне все время казалось, что ему как-то нехорошо рядом с футбольными мячами, я все хотел спуститься в гараж и проверить, но начался дождь, и выходить на улицу мне не захотелось. А когда я побежал туда утром, оказалось, что коробки уже увезли.

Это меня очень неприятно удивило, можно сказать, разочаровало в жизни. Нет, я уже распростился со своим крокодилом, но мне хотелось посмотреть на него в последний раз, а оказалось, что это невозможно.

Коробки увезли.

Я тупо бродил по гаражу, искал чего-то, перебирал какие-то свечи зажигания и фильтры в блестящих упаковках, потом увидел книжку. Вернее, даже не книж-

ку, а ее часть. Страницы с семнадцатой по пятьдесят третью. Ни обложки, ни названия, ни автора, вообще ничего. Бумага плохая, буквы косоватые, но не самодельная, самопал всегда видно. Скорее всего, она вывалилась из коробки с японскими телевизорами. Я был тогда так расстроен, что уселся на крышечке и принялся читать, хотя раньше ничего почти не читал, даже сказки. В моем классе многие уже читали всякую там литературу, а я тогда не читал совсем. А эту вот книжку я вдруг стал читать, начала не было, а я стал читать. Сидел в крышечке и читал.

В книжке рассказывалось про одну девчонку, которая очутилась в какой-то невиданной стране. В этой стране вроде как осуществлялись все желания, даже не самые причем заветные. Над мозгами там никто не стоял, а хулиганам можно было легко навесить. Хорошо, короче, было и привольно. Там были еще разные приключения и опасности, все стреляли и на конях скакали, мне понравилось, а на сорок восьмой странице указывалось три способа, с помощью которых можно было бы попасть в эту самую страну. Мне понравился второй. Меня все это так захватило, что я читал до вечера, а к утру с помощью некоторых химических препаратов изготовил смесь...

Короче, все очень сильно взорвалось.

С тех пор я стал гораздо, гораздо умнее.

А вообще, конечно, это история про лю, если кто еще знает, что это такое.

Глава 1

День дурака

Кокосов Евгений Валентинович, четырнадцати лет, учащаяся молодежь, рост 165, вес пятьдесят два кэгэ, это я, собственной персоной, эсквайр.

Наш дом на улице Маслобойникова, это на самой окраине, а раньше вообще было за городской чертой, дальше только трамвайная линия. А сейчас уже в черте. Но район престижный. Три километра от почтового отделения, восемьсот километров от Москвы, мать хотела жить в Москве, ходить в театр. Или в консерваторию, моя мать любит романсы. Про весну, неповторимую и давно позабытую, которая прошла и не воротится никогда. Короче, морковь последняя чиста, а мир починит красота, это хорошо идет под ананасы в сиропе.

Кстати, о весне.

Настоящая весна начинается первого апреля, в День дурака. В это можно не верить, но это действительно так. Первого апреля, именно. Все, что до, это еще зима, а с первого апреля уже как надо. Грачи прилетели.

Первого апреля, в День дурака, я наблюдал за последней сосулькой. Сосулька растянулась почти на метр, стала похожа на копье, потом оборвалась, хлопнулась о

черепицу гаража и разлетелась на прозрачные кругляшки. Я выбрался на улицу и обнаружил, что кругляшки исчезли, испарились под солнцем. Это была последняя сосулька. Сосулек уже давно нигде не висело, почти месяц, а тут вот, объявилась.

Весна, типа, пришла. Что-то рано в этом году. И зимы толком не было, и весна раньше чуть ли не на месяц разгулялась. Погода самая теплая за последние сто пятьдесят восемь лет, уже в середине марта полезла мать-и-мачеха, а в конце месяца так и трава даже.

Но это не радовало. Не люблю весну, гнусное время. Как ни крути, а весной начинаешь чего-то ждать. Это оттого, что все вокруг тоже чего-то ждут. Загарного солнца, мороженой клюквы, подснежников, наступления рыболовного сезона, кто как. Все ждут — и ты ждешь. Ждешь-ждешь, а ничего не происходит. Весна — лживая девчонка, каждый год водит тебя за нос.

Поэтому я весну и не люблю. Если раннюю весну еще как-то можно терпеть, то весна повсеместно зеленая — это сплошное затяжное уныние. Поэтому, когда хлопнулась сосулька, я загрустил. День не задался.

Я отдыхал в шезлонге на веранде, поставил на рэндом флэшник, слушал по кругу песню про странные происшествия на мексиканской границе и про призрачный отель, в который раз въедешь, а потом уже и не выедешь. Сколько ни старайся. В духе С. Кинга песенка, жутковатая. Как раз для весеннего настроения.

Я прослушал песенку уже три раза, как на веранде соседнего дома появился соседский мальчишка. Малолетний хулиган и брутал Алик Окинин по прозвищу Окиша. Окиша был совсем еще юн, ходил в третий класс, но уже сейчас ему прочили большое будущее гопниковского короля. Окиша вредил всему живому, находившемуся в границах его гнусной досягаемости.

Сейчас в пределах его досягаемости находился я. Окиша вытащил на балкон большое овальное зеркало и принялся пускать в меня зайчиков. Сначала я терпел, поскольку прекрасно знал, что у Окиши пока еще нет главного качества подлинного хулигана — терпения. Знал, что, если не подавать виду, Окише быстро надоест хулиганствовать, и он отправится мучить своего толстого сибирского кота, кастрата и такого же человеконенавистника, как сам Окиша.

Окише и в самом деле быстро надоело пускать обычных зайчиков. Он удалился, а через минуту появился с приспособлением. Я подивился зверской Окишиной изобретательности. Окиша поставил перед зеркалом вращающийся круг с дырками, запустил его, и солнечные зайчики теперь пулялись в меня с раздражающим мельтешением.

Это было тяжело, я скрипел от ярости. Перед глазами плясали бешеные солнечные пятна, но я был все-таки непробиваем. Могуч был я.

Тогда Окиша пустил в ход тяжелую артиллерию. Он оставил свою солнечную активность, остановил круг и унес зеркало. Зато принес виолончель.

Виолончели я вынести не мог. Вообще, Окиша играл довольно неплохо, так как занимался в музыкальной школе и даже входил в состав подросткового струнного квартета. Но сейчас Окиша играл нарочно скверно. Даже не играл — пилил смычком по струнам, рождая безумные дребезжащие звуки, от которых у меня начинала чесаться голова и здорово ныли руки.

Я не выдержал и скрылся в доме. Под торжествующий смех Окиши. Впрочем, я не собирался сдаваться. Я даже собирался отомстить за испохабленное начало дня. Быстро сбегал за пейнтбольным ружьем старо-

го, вышел с другой стороны коттеджа, прокрался с пластиковой лестницей вдоль забора, вскарабкался наверх.

Окиша настырно терзал инструмент. Повернувшись ко мне худой хулиганской спиной, весь во власти деструктивного вдохновения.

— Эй, Ростропович! — позвал я.

Окиша перестал пилить и боязливо съежился, выставив в небо острые лопатки. Я прицелился и выпустил в эти вражеские лопатки длинную сладостную очередь.

Желатиновые шарики с хлопаньем разбивались о спину Окиши, оставляя на ней большие разноцветные кляксы. При каждом попадании Окиша вздрагивал и втягивал в плечи голову. Я кровожадно улыбался.

Шарики кончились, ружье плюнулось воздухом, я опустил оружие.

Окиша встал, осторожно, даже бережно прислонил виолончель к стулу, потом разразился диким болезненным ревом. Побежал в дом.

— Музыка, — сказал я сам себе. — Парю, парю, как сладостно, однако, крапива...

После чего снова устроился в кресле. Насладиться тишиной, насладиться прохладой.

Через минуту на веранде соседского дома появился отец Окиши. Я продолжал нагло сидеть в шезлонге. Отец Окиши был в прямом подчинении у старого, и я прекрасно понимал, что ругать меня не будут. В соответствии с неписаной корпоративной этикой.

Окинин-олд поднял виолончель, внимательно ее осмотрел, буркнул что-то неприветливое и удалился к себе.

Я оставался в шезлонге.

В три часа с работы вернулся старей.

Старый разогрел в микроволновке дрянбургер и, вгрызаясь зубами в холестерольную котлету, рассказал о происшествии, имевшем место сегодня у них в аэропорту. Ровно в половине первого над летным полем зависли летающие блюдца, числом три штуки. Блюдца совершили противозенитный маневр, отстрелялись тепловыми ракетами и приземлились прямо перед зданием аэровокзала с приветственными сигнальными огнями.

Я слушал, отвалив челюсть, а когда старый принялся рассказывать, как по трапу принялись сходить инопланетяне, ликом зеленые, но в цилиндрах и смокингах, я засомневался. А как дошло дело до потчевания зеленых хлебом-солью, так я засомневался еще сильнее.

Тут-то старый рассмеялся и сказал, что сегодня первое апреля, а первого апреля просто необходимо кого-нибудь обмануть.

Пусть даже родного сына.

Иначе не будет удачи. Я согласно покивал и сказал, что удачи и так нет, весна тупо ранняя, озимые померзнут, не взойдет зябь, случится голод. К тому же не далее как вчера учредительный совет Лицея поднял плату за обучение в пять с половиной раз, причем внести ее надо не постепенно и безналом, а сразу и кэшем, а кто не внесет плату, тот будет незамедлительно отчислен, как собака...

Старый вскочил и завопил, что в договоре предусматривается повышение платы не более чем на двенадцать процентов в год, что он затаскает учредительный совет по судам, что в стране все-таки остались законы, а он законы хорошо знает...

Я рассмеялся и сказал, что сегодня первое апреля, а первого апреля просто необходимо кого-нибудь обмануть.

Пусть хоть родного отца.

Иначе удачи не будет.

Старый промолчал. Сжал дрянбургер, наружу выскочил салат, кружок помидора, маринованный лук, корнишоны, соус капнул.

Мощная кисть, ничего не скажешь.

— Чего, по-нормальному нельзя? — Старый сбросил бутербродную кашу в урну. — Нельзя без борзот?

— Без каких борзот-то? — сказал я.

Мне совсем не хотелось ругаться сегодня, сегодня и так был трудный день.

— Ты не ходил на учебу... — Старый стал припомирать.

Я обмакнул палец в соус и стал рисовать на столе букву «Г».

— Ты не ходил на учебу две недели, — закончил отец. — А, между прочим, я за нее плачу...

Ну вот, опять началось. Я плачу за твою учебу, в твои годы твой дед командовал эскадрильей... И между прочим, я проболел вовсе не две недели, а гораздо меньше, двенадцать дней. И при всем при том я не какая-то глупая сволочь, я знаю, чего хочу от жизни.

Я хочу стать летчиком.

Это не романтика, не киношная глупость, это династия. Мой дед был летчиком, во время войны гонял на «Ил-2», летающем танке. Отец хотел стать летчиком, но зрение подвело, и он стал юристом. Но работал все равно в летчицкой отрасли — в частной авиакомпании «Джет-авиа».

К тому же летчики неплохо получают. Особенно если куда-нибудь в Бруней устроиться, к шейхам. Там даже машину летчикам бесплатно выдают.